

ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ
«ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

1. Загадочный адрес

Как известно, «Петербург Достоевского» — сложное, диалектичное понятие, он и конкретен и метафоричен одновременно. Сошлюсь, в частности, на убедительную статью Е. А. Кумпан и А. М. Кошечного «Наблюдения над топографией „Преступления и наказания“»,¹ в которой показана мифичность представлений об абсолютной топографической точности одного из самых «петербургских» романов писателя. Еще одно подтверждение — записка из рассказа «Чужая жена и муж под кроватью»: «Сегодня, сейчас после сыктякля, в Г—вой, на углу ***ского переулка, в доме К***, в третьем этаже, направо от лестницы. Вход с подъезда» (2, 64). Как известно, основные события рассказа произошли в квартире по этому адресу. Между тем обманутый Иван Андреевич мог попасть только на «Г—вую», т. е. Гороховую. Никакого «угла» со «***ским переулком» улица не имела. Что касается владельцев угловых домов с фамилиями на «К», то их приблизительно в это время было трое: Крюковская (д. 2), Котомина (д. 25) и Куканова (д. 51).² По-видимому, все это было известно Достоевскому, и адрес носил сознательно контактно-мифированный характер.

2. Лошадиная «фамилия»

Одна из основных тем рассказа «Маленький герой» — тема рыцарства. Центральное место здесь занимает эпизод с укромным подростком гордого, своевольного коня по кличке Танкред. Вот как описывает Достоевский состояние героя перед поражением всех поступком: «... в закружившейся голове моей замелькали турниры, паладины, герои, прекрасные дамы, слава и победители, слышались трубы герольдов, звуки шпага, крики и плески толпы, и между всеми этими криками один робкий крик одного испуганного сердца, который нежит гордую душу слаще победы и славы <...> Сердце мое вспрыгнуло, дрогнуло, и сам уж не помню, как в один прыжок соскочил я с крыльца и очутился подле Танкреда» (2, 285). В этом эпизоде, насыщенный средневековыми реминисценциями, «играет», «работает» и кличка коня: Достоевский использовал имя героя одноименной трагедии Вольтера, описывающей средневековые рыцарские нравы (поставлена во Францию в 1760 г., опубликована в 1761 г.; русский перевод — 1816 г.), и оперы Д. Россини (1813), наряду с «Итальянкой в Алжире», сделавшей имя композитора широкоизвестным на родине.

¹ См.: Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., 1976, т. 35, вып. 2, с. 180—190.

² *История К.* Адрес-календарь Санкт-Петербургских жителей. СПб., 1844, т. 1, с. 28.

Как видно, в текстах, имеющих много минусов, т. е. там, где, по нашим параметрам, вероятность принадлежности текста Достоевскому сводится к нулю, ключевые слова писателя используются крайне редко.

Приведем еще один аргумент в пользу своих выводов. Давно установлено, что в случае, если какое-то слово имеет два варианта, то писатели предпочитают (и притом обычно достаточно устойчиво) один из этих вариантов. Надо думать, что закон этот действует и у Достоевского. Возьмем для примера союз *чтобы* с очень распространенным у Достоевского вариантом *чтоб*. Оказывается, что в бесспорно принадлежащих Достоевскому статьях имеются 252 случая употребления формы *чтоб* при 34 случаях употребления формы *чтобы*. Итак, у Достоевского-публициста форма *чтоб* в среднем употребляется в 7—8 раз чаще, чем форма *чтобы*. Показательно, что форма *чтобы* в 10 из 26 текстов Достоевского вообще отсутствует. Так, в известной статье «Г-н — бов и вопрос об искусстве» (10.894 слова) мы находим 28 случаев употребления формы *чтоб* и ни одного случая употребления формы *чтобы*. В этом отношении небезынтересно отметить, что в спорных статьях, и опять-таки в самых спорных, изобилует форма *чтобы* при почти полном отсутствии формы *чтоб*. Ниже приводится список спорных текстов и указания соотношения *чтоб*—*чтобы*. Для сравнения в скобках опять-таки даются результаты, полученные с помощью наших 15 параметров:

	чтоб : чтобы
1. Текст I	17:0 (15+, 0—)
2. Текст III	8:0 (15+, 0—)
3. Текст II	5:0 (14+, 1—)
4. Текст VII	11:1 (15+, 0—)
5. Текст V	21:5 (12+, 3—)
6. Текст X	20:7 (0+, 15—)
7. Текст IX	4:6 (15+, 0—)
8. Текст IV	3:15 (2+, 13—)
9. Текст XI	1:22 (2+, 13—)
10. Текст VIII	0:0 (12+, 0—)
11. Текст VI	0:2 (10+, 0—)
12. Текст XII	0:8 (0+, 15—)

Создается почти та же картина, что и показанная выше. В текстах с многими плюсами изобилует форма *чтоб*, тогда как в текстах, где преобладают минусы, эта излюбленная Достоевским форма представляет редкость. Имеется в нашем материале только одно исключение, а именно текст X, но и здесь соотношение форм *чтоб* и *чтобы* значительно ниже (20:7=2.86), чем в среднем у Достоевского (252:34=7.41).

Итак, думается, что нет надобности применять в нашем исследовании большее число параметров. При наличии достаточно больших текстов электронная вычислительная техника, идя рука об руку с математической статистикой, в состоянии, как мы полагаем, предоставить исследователю мощное и адекватное орудие для подхода к проблеме атрибуции спорных текстов.

3. Видоплясов и Видок Фиглярин

Уже в экспозиции «Села Степанчикова» Достоевский акцентирует внимание на фамилии лакея Григория, допосчика и доморощенного поэта. «Видоплясов, — раздумчиво говорит рассказчик, — ... Видоплясов... скажите, какая странная фамилия?» (3, 26). Из дальнейшего становится ясно, что, присваивая персонажу заведомо искусственную фамилию, Достоевский преследовал вполне определенную художественную задачу.

Как указало А. В. Архиновой, «„Село Степанчиково“ перегружено скрытой и явной литературной полемикой. Причем, хотя здесь имеются в виду и некоторые литературные явления 50-х гг. <...>, полемика Достоевского в основном ориентирована на явления 40-х гг., ставшие к моменту выхода „Села Степанчикова“ достоянием истории, но в то же время тесно связанные в его понимании и со злобой дня...» (3, 504-505). Еще Ю. Н. Тыняновым в 1924 г. было высказано правдоподобное предположение, что в повести спародированы «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, а в образе Фомы Опискина отразились и отдельные его черты.³ Сказанное в «Селе Степанчикове» о Григории Видоплясове указывает на то, что в повести нашлось место и для Ф. В. Булгарина, известного также под прозвищем «Видок Фиглярин».

Прежде всего следует отметить, что в словаре В. И. Даля «фигля» (множественное — «фигли») объясняется как «ужимки, телодвижения, рожи в виде знаков», и, следовательно, «Видоплясов», т. е. «видом плянущий», соответствует прозвищу «знаменитого Фаддея». Идентичность понятий «фигляр» и «шут» позволяет думать, что слова Ростанова о Видоплясове: «мальчишки дворовые его вместо шута почитают» (3, 104) также связаны с кличкой «Фиглярин». Любопытно, что, предлагая фамилии для замены, Видоплясов называет и «Улапов» (3, 105), хотя о его военном прошлом в повести ничего не говорится. Но это мог быть добавочный намек на Ф. В. Булгарина: один из полков, в которых он служил, назывался «Улапский». Наконец, в своих мемуарах Ф. В. Булгарин сообщает, что баловался стихами, которые пользовались успехом у сослуживцев.⁴ Может быть, Достоевскому запомнилась фраза: «В Уланском полку прослыл я поэтом за пустые стишки, которые писал иногда для забавы нашего офицерского общества».⁵ В заключение отмечу, что, вероятно, и лакеем-то Григорий⁶ Видоплясов изображен для того, чтобы реализовать расхожую метафору «лакей Фиглярин».

³ См.: Тынянов Ю. Н. Поэтика; История литературы; Кино. М., 1977, с. 198—226.

⁴ Булгарин Ф. Воспоминания. СПб., 1849, т. 6, с. 110—112.

⁵ Там же, с. 110.

⁶ Имя персонажа, означающее «бодрствующий, неспящий», по-видимому, выбрано не случайно.

4. «Wallonieff»

Эта фамилия возникает в «Подростке» при первой встрече Аркадия с Тришатовым и Андреевым. «... Знаете, — говорит Тришатов, — французы в „Journal des Debats“ часто коверкают русские фамилии...» В „Indépendance“, — возражает Андреев. «Пу, все равно, и в „Indépendance“. Долгорукого, например, пишут Dolgorowky, — я сам читал, — а В—ва всегда comte Wallonieff» (13, 344). Указание на графский титул свидетельствует о том, что речь идет о высокооставленном чиновнике. Последующее исправление «онечатки», сознательно допущенной Достоевским («п» вместо «и»), позволяет загадочного «Wallonieff» превратить во вполне реального «Wallouieff», т. е. установить, что «В—в» — это П. А. Валуев, который в 1872—1877 гг. был министром государственных имуществ.

5. Две реминисценции в «Исповеди» Версилова

I

Объясняя Аркадию причины своего отъезда за границу («от тоски», а не участвовать в заговорах), Версилов говорит: «Я эмигрировал без всякой злобы <...> Я уехал скорее в гордости, чем в раскаянии, и, поверь тому, весьма далекий от мысли, что настало мне время кончить жизнь скромным сапожником. Je suis gentilhomme avant tout et je mourrai gentilhomme!». «Я прежде всего дворянин и дворянском умру! — франц.» (13, 374). В контексте диалога высказывание Версилова о нежелании «кончить жизнь скромным сапожником» воспринимается как парафраз известной шутки Ф. В. Ростопчина. Она зафиксирована в двух вариантах. Первый содержится в «Характеристических заметках и воспоминаниях о графе Ростопчине» П. А. Вяземского (1877): «Говоря о так называемых декабристах, сказал он (Ф. В. Ростопчин) однажды: „В эпоху Французской революции сапожники и тряпичники (chiffonniers) хотели сделаться графами и князьями. У нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками“».⁷ Другой появился в печати спустя почти полвека: «Во Франции повара хотели попасть в князья, а здесь князья — попасть в повара».⁸ Какой вариант слышал Достоевский, мы не знаем, однако несомненно, что ему была известна интерпретация этой шутки Н. А. Некрасовым. Я имею в виду следующие строки из поэмы «Княгиня М. Н. Волконская», опубликованной в январском номере «Отечественных записок» за 1873 г. («Подросток» печатался в том же журнале в 1875 г.). Героиня поэмы вспоминает:

В салонах Москвы повторялась тогда
Одна Ростопчинская шутка:

⁷ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1881, т. 7, с. 510.

⁸ Лернер Н. О. «Ростопчинская шутка» о декабристах. — В кн.: Бунт декабристов. Л., 1926, с. 398—399.

«В Европе сапожник, чтоб бариню стать,
Бумтует, понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?...»⁹

Следовательно, метафора Версилова заимствована писателем из поэмы Н. А. Некрасова.

II

«Я во Франции — француз, с немцем — немец, с древним греком — грек, и тем самым наиболее русский», — говорит о себе Версиров (13, 377). Это — парафраз известного высказывания Н. В. Гоголя о «чуткости» Пупкина: «В Испании он — испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец в полном смысле этого слова; с отжившим человеком он дышит стариною времени минувшего; заглянет к мужику в избу — он русский весь с головы до ног...» («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», 1846).¹⁰ Позже Достоевский в Пушкинской речи развивает гоголевскую мысль о свойстве гениального поэта «перевплотиться вполне в чужую национальность» (26, 146).

В. П. ВЛАДИМИРЦЕВ

СИБИРСКАЯ ТЕТРАДЬ

(Дополнение к комментарию)

1. *Фартикультянисть* (4, 239). Диалектное слово широкого ареала, имеет самостоятельное лексическое значение, не зависящее от слова «фарт» (см. попытку такого сближения — 4, 316). На это указывают, в частности, материалы, хранящиеся в картотеке Словаря русских народных говоров (СРНГ) Института языкознания АН СССР (Ленинград): фартикультяпный, фе(о)ртикультяпный — сделанный, приготовленный хорошо, с соблюдением всех форм, требуемых приличием и искусством (Менцовский уезд, Калужская губ., 1892 г.); производные: фертикультяписто сделано — ладно, хорошо (Ветлуга, 1914 г.); нефертикультяпно — нескладно (Бронницкий уезд, Москов. губ., 1897 г.). В 1956 г. в Камском Устье автору этих строк, участнику фольклорной экспедиции, встретилось в устном бытовании слово «нефертикультяпный», значение которого — «нескладный, несуразный» — было окрашено прощней и насмешкой.

2. *Полняк* (4, 240). По данным картотеки СРНГ, одно из значений слова — полная мера, максимум телесных наказаний («получить розги полняком»). Это соответствует показаниям фельдшера омского военного госпиталя А. И. Иванова относительно «полняка» (см.: Владимирцев В. В зеркале Сибирской

тетради. — Енисей, 1981, № 6, с. 42—43). Сводом военных постановлений был определен высший предел наказания палками (говоря на арестантском аргю, «полняк»): 12 тысяч ударов, или прогнание двенадцать раз сквозь строй в тысячу солдат, вооруженных шпирутенами. См.: Тимофеев А. Шпирутены. — Энциклопедический словарь. СПб., 1903, т. 39А (78), с. 845—846; Евреинов Н. История телесных наказаний в России. СПб., 1913, с. 113—114.

3. *Салфет вашей милости* (4, 241). Из фольклорных приветствий-причетов. «При Петре I говорили: салфет (salut) вашей милости! здравствуйте!» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 4, с. 131). «Когда чихнет кто-нибудь, ему говорят:

Салфет вашей милости,
Красота вашей чести,
Цвета цветущие,
Во здравие растущие».

(Харузина В. И. «Причетки», записанные в г. Вепеве Тульской губернии. — Этногр. обозр., 1904, № 3, с. 71).

4. *А ты меня и бей, да только хлебом корми* (4, 242). Из просительных причитаний нищей братии, традиционное присловье испрашивающих подавание, милостыню. Почти одновременно с Достоевским вариант этой формульной просьбы отмечен Н. И. Костомаровым: «Иные просили милостыню, затывая самым плачевным папсом: „побейте меня, да покормите! Руки-ноги поломайте, да милостинки христовой подайте!“» См.: Костомаров Н. И. Сын. Рассказ из времен XVII века (из архива фамильных преданий). — Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый П. Калачовым. СПб., 1859, кн. 4, с. 35.

5. *Жирно ели, оттого и обеднели* (4, 246). Достоевский извлек это речение из фольклорно-поговорочной стихии, возможно, в семипалатинский период. Ср.: «Не оттого оголели, что сладко пили-ели, а так бог дал...» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4, с. 217). В конце 1850—начале 1860-х гг. Г. Н. Потанин записал на Иртыше близ Семипалатинска: «Не оттого обеднели, что сладко ели» (Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губ. в этнографическом отношении. — В кн.: Этнографический сборник. СПб., 1864, вып. 4, с. 54).

6. *Разговор Петрович* (4, 247). К необычному «антропониму» есть ближайшая параллель в очерке И. Г. Прыжова о московских пищих середины XIX столетия: «...идет лицо, называемое Рассказ Петрович; он собирает Христа ради и рассказывает при этом различные притчи...». Прыжов приводит «любимое изречение» Рассказа Петровича, выдержанное в духе афористики Сибирской тетради: «Жизнь человеческая — сказка, гроб — коляска, ехать в ней не трясло» (Прыжов И. Нищие на святой Руси. М., 1862, с. 101). Со всей очевидностью можно полагать, что Разго-

⁹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1982, т. 4, с. 165.

¹⁰ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Л., 1952, т. 8, с. 384.